

С.А. Асанова*

S.A. Asanova*

**Специфика поведенческой
мотивации воинов казахских
национальных формирований в годы
Великой Отечественной войны****

**Specificity of Soldiers' Motivation
in Kazakh National Formations During
the Great Patriotic War**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-2

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-2

УДК 94(574) «1941/45»+572.9+35

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Асанова С.А. Специфика поведенческой мотивации воинов казахских национальных формирований в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 12–27. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-02.pdf>

Asanova S.A. Specificity of Soldiers' Motivation in Kazakh National Formations During the Great Patriotic War // Historical Courier, 2020, No. 3 (11), pp. 12–27. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-02.pdf>

Abstract. The article is dedicated to the analysis of major sources of the patriotic upsurge of the Kazakh people and the reasons for their voluntary sacrifice in the war years using the example of national military units. The previous explanatory practices that linked the sources of victory to the indisputable advantage of the Soviet system and the people's support of the Soviet government do not satisfy and do not correspond to the modern level of historical knowledge. The prewar period associated with violent modernization did not give grounds for the formation of Soviet patriotism. Today, Kazakh historians are unanimous in the negative assessment of the violent nature of Soviet modernization, which turned into irreplaceable physical and, more important, ethno-cultural losses for Kazakhs. The Kazakhs paid a very high price for the tragic experience of modernization. However, despite all the insults caused by the Soviet authorities, the Kazakhs, from the very first tragic period of the Great Patriotic War, became one of the best soldiers of the Red Army and made an invaluable contribution to the Victory. In essence, the author attempts at finding an answer to the question of the major and real factors of the behavioral motivation of the Kazakh soldiers, as from the point of view of rational logic, the participation of the Kazakhs in this war was a definite historical paradox. Particular attention is paid to defining the major vectors of changing the content of propaganda work during the first most tragic period of the war, as well as analyzing the peculiarities of the internal policy (national and religious) of the Soviet government, first of all its aspects such as addressing national and religious values that stimulated a positive mobilizing motivation of the warring people.

Keywords: national policy; mobilization; national military; formations; patriotism, internationalism; chauvinism; nationalism.

The article has been received by the editor on 20.05.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена поиску ответа на вопрос о реальных источниках мотивации патриотического подъема казахских солдат в годы Великой Отечественной войны. Автором предпринята попытка этнологического анализа основных факторов моральной

* Асанова Салтанат Амиргалиевна, кандидат исторических наук, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, Алматы, Казахстан, e-mail: saltasanova@gmail.com
Asanova Saltanat A., Candidate of Historical Sciences, Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of CS MES RK, Almaty, Kazakhstan, e-mail: saltasanova@gmail.com

** Статья написана в рамках реализации проекта «Национальные войсковые формирования Казахстана на фронтах войны (1941–1945 гг.)».

The article was written in the framework of the project “National military formations of Kazakhstan on the war fronts (1941–1945)”.

мобилизации на примере национальных войсковых формирований, поскольку прежние объяснительные практики, связывавшие героическую самоотверженность казахского народа с неоспоримыми преимуществами социализма и преданностью советской власти, не отвечают современному уровню исторического знания. Рассмотрен вопрос о том, на чем основывался успех мобилизационной пропаганды, который позволил забыть о трагических страницах предвоенной истории: силовой коллективизации, обернувшейся потерей 2 млн 200 тыс. чел., непрекращающимися репрессиями и уничтожением национальной элиты. По мнению автора, именно этнологический подход к исследуемой проблематике позволяет выявить социально-психологический феномен, обеспечивший высокий патриотический подъем казахских военнослужащих и их готовность к добровольной жертвенности во имя Победы. Несмотря на все обиды, причиненные советской властью, казахи с самого первого трагического периода Великой Отечественной войны стали одними из лучших солдат Красной Армии и внесли неоценимый вклад в Победу. Определенное внимание уделено трансформации идеологической парадигмы в условиях войны: в частности, отказу от прежней идеологической доктрины, основанной на идее пролетарского интернационализма и классовой борьбы; переходу на позиции патриотизма, основанного на исторических национальных традициях всех народов СССР, включая и казахский; изменению религиозной политики; отказу от воинствующего атеизма в сторону частичной легализации религиозной жизни. Помимо этих факторов влияние оказывали и особенности социально-политической жизни советского общества. Действие репрессивной машины тоталитарного режима способствовало формированию страха перед безжалостной и сильной властью. Мотивация страхом является важным фактором поведенческой моральной мобилизации казахских солдат. Добровольная жертвенность казахского народа в годы войны объясняется не только умело проводимой национальной политикой, эффективностью средств пропаганды и агитации. Еще одним условием патриотического подъема стало наличие в советском обществе реальных «социальных лифтов», которые позволяли при условии проявления лояльности к власти достичь больших успехов в личностном росте. К этому добавлялась традиционная престижность ратного труда у казахов – бывших кочевников. Служба в армии рассматривалась как возможность достижения высокого социального статуса. Дополнительным стимулом стало формирование в указанный период основ «советской ментальности», которая была связана с единством всего советского народа. Это единство было основано на унифицированном равенстве всех перед лицом всемогущей и безжалостной власти, что порождало чувство товарищества и проявлялось во взаимопомощи. Вышеперечисленные положения привели к изменению основного вектора пропагандистской работы и стали основой морально-психологической мобилизации и поведенческой мотивации, обеспечившей эффективность и боеспособность казахских войсковых формирований.

Ключевые слова: национальная политика; мобилизация; нация; пропагандистская работа; войсковые формирования; патриотизм; интернационализм; шовинизм; национализм.

Вопрос об основных факторах поведенческой мотивации казахских солдат в годы Великой Отечественной войны на примере национальных воинских формирований требует специального комплексного изучения. В данном случае имеет место попытка постановки проблемы и обозначение основных векторов исследовательского поиска внутренних причин самоотверженного поведения казахских воинов на полях сражений. Война как событие экстремальное обнажила многие слабые места советской внутренней и внешней политики. Суровая военная действительность показала насколько реальное положение отличается от той радужной картины, которую рисовала советская пропаганда. Большинство провозглашенных достижений оказались не жизнеспособными.

Эти просчеты и ошибки советской власти учитывали и немецкие военачальники, надеясь, что как только войска вермахта перейдут границу СССР, советское правительство будет свергнуто собственным народом. Однако этого не произошло. В результате своевременной

перестройки национальной политики советское государство смогло обеспечить быструю моральную мобилизацию населения национальных республик, поскольку от них во многом зависело спасение страны в первые критические месяцы войны.

В годы войны фактически произошла определенная десталинизация режима. Это явление продолжалось недолго, и сразу же после коренного перелома в ходе войны, т.е. начиная с конца 1943 г., сталинский режим начал восстановление прежде сданных позиций: ужесточение контроля над идейно духовной жизнью национальных республик¹. Апелляция к традиционным национальным и религиозным ценностям народного самосознания позволила власти использовать духовный подъем народа, который добровольно пошел на неисчислимые жертвы. Создание национальных воинских формирований, и в т.ч. казахских, также является свидетельством перемены содержания национальной политики, связанной с военной действительностью.

Мы можем констатировать, что в условиях начавшейся войны, особенно в первый критический период, в деле идеологической пропаганды произошел коренной поворот. Большинство методов репрессивной политики в условиях тотальной войны оказались недееспособными. Управлять силой людьми, которые каждый день должны добровольно рисковать жизнью, невозможно.

Здесь действует только фактор добровольности и осознанного поведения. При этом произошел отход от прежней идеологии пролетарского интернационализма в сторону национально-патриотической идеологии. Это было вынужденное обращение к национальной тематике, причем не просто национальной, а исторического национального прошлого.

Вместе с тем нельзя полностью игнорировать такой ресурс советской власти, как репрессии и жестокое подавление инакомыслия. Военное положение облегчало использование всей силы репрессивной машины. Мотивация страхом является важным фактором поведенческой моральной мобилизации казахских солдат. Добровольная жертвенность казахского народа в годы войны объясняется не только умело проводимой национальной политикой, но и эффективностью средств пропаганды и агитации.

Таким образом, реальная картина моральной мобилизации и патриотического подъема казахских солдат обусловлена целым рядом причин и представляет собой сложный социокультурный процесс, в котором государственная политика и народное сознание не всегда совпадали, но в итоге привели к Победе.

Методологической основой статьи послужили традиционные для данного направления принципы историзма и научной объективности. Попытки выяснения реальных факторов моральной мобилизации казахских солдат потребовали использования других методологий. В частности, применена теория этноса, согласно которой любые этнические образования являются результатом интеллектуальных конструкций. Они утверждаются в общественном сознании благодаря использованию государством комплекса средств массовой агитации и пропаганды, а также системы образования. Ситуационное использование конструктивизма при анализе национальных явлений выявляет роль государства в формировании общественных настроений и мотивов поведения². Поэтому представляется оправданным и целесообразным применение этнологического подхода к проблеме выявления факторов патриотического подъема казахского народа в годы Великой Отечественной войны.

Предпринятая попытка этнологического анализа основывается на положении о том, что государственная политика всегда корректируется со стороны объектов этой политики, т.е. самого народа. Результатом действия таких противоречивых векторов в формировании общественного сознания становится появление новой парадигмы, способной решить самые грандиозные задачи. Ситуационное использование конструктивизма позволяет определить

¹ Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». 9 августа 1944 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. Т. 7. С. 513–520.

² Тишков В.А. Стратегия и механизмы национальной политики в Российской Федерации // Этнографическое Обозрение. 1993. № 5. С. 5.

роль государства в формировании общественных настроений и мотивов поведения, а также обратной связи со стороны населения. Общество – это самоорганизующаяся структура. Современная историческая наука выявила пути, позволяющие приблизиться к пониманию исторического прошлого через его субъект и носителя – самого человека. Всесторонний анализ материальных и социальных форм повседневного существования человека – его жизненного микромира, стереотипов его мышления и поведения – рассматривается как один из возможных в этом отношении подходов. Представители Франкфуртской школы, стремившиеся понять истоки тоталитаризма, указывали на организующую роль идеологий в структуре общественной жизни³.

Изучение истории войны было одним из самых популярных направлений советской историографии Новейшего времени. По сведениям библиографов, к началу 1990-х гг. в СССР было опубликовано «свыше 20 тысяч книг, брошюр и журнальных статей по истории Великой Отечественной войны». Только в одном 1965 г. в связи с 20-летием Победы вышло 8 книг, 24 брошюры и свыше 200 научных статей в журналах и республиканских газетах, «отражающих вклад республики в разгром врага»⁴.

Создание истории войны началось еще в ходе военных действий. В самом начале 1941 г. при Институте истории АН СССР приступила к работе специальная комиссия по истории Великой Отечественной войны. Аналогичная комиссия была создана в Алматы, в работе которой участвовали местные историки, а также эвакуированные научные сотрудники АН СССР. В Институте истории партии при ЦК КП Казахстана велась хроника войны, где день за днем записывались важнейшие события в жизни республики и боевой деятельности казахстанцев на фронтах войны⁵.

Итогом этой работы стало издание в 1943 г. в г. Алма-Ате однотомника «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», где специальная глава была посвящена участию воинов-казахстанцев в боях на фронтах войны и трудовым будням тыла. В 1959–1983 гг. в составе Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова функционировал Отдел истории Казахстана периода Великой Отечественной войны. Благодаря усилиям таких выдающихся ученых, как академики АН КазССР А.Н. Нусупбеков, С.Н. Покровский, М.К. Козыбаев, профессора Т.Б. Балакаев, Г.А. Абишев, П.С. Белан, Н.Е. Едыгенов и другие, в разное время были изданы обширные документальные сборники и фундаментальные исследования, которые до сих пор не утратили своего научного значения.

Фактически до середины 1950-х гг. история Великой Отечественной войны писалась по схеме, предложенной в свое время в книге И.В. Сталина «Великая Отечественная война Советского Союза». В первое послевоенное десятилетие был сделан значительный шаг в исследовании истории Казахстана военных лет. В составе Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР была создана специальная научная ячейка – отдел истории Великой Отечественной войны во главе с А.Н. Нусупбековым (фронтовиком-панфиловцем, впоследствии академиком АН КазССР, вице-президентом АН Казахской ССР, с 1956 по 1982 г. – директором вышеуказанного института), положившим начало научной разработке проблем истории военного времени, в т.ч. участия казахстанцев на фронтах войны.

На следующем этапе, начиная с середины 1960-х гг. до распада СССР, историография военного периода не претерпела значительных изменений. Тем не менее в этот период появились многотомные фундаментальные исследования, в т.ч. и по отдельным регионам. Что же касается Казахстана, то история военного времени стала самой активно разрабатываемой проблемой. Труды А. Нусупбекова, М. Козыбаева, Т. Балакаева, М. Асылбекова, Н. Едыгенова, П. Белана, С.Н. Покровского и других стали значительным событием и достижением казахстанской историографии войны этого периода⁶. Однако основным недостатком историографии того времени было то, что все события и трудности военного

³ Большой толковый социологический словарь. М., 2001. Т.2. 528 с.

⁴ Козыбаев М.К., Белан П.С. Казахстанская историография Великой Победы: аналитический обзор. Алма-Ата, 1991. С. 4.

⁵ Там же. С. 8.

периода в большинстве своем преподносились в «лакированном» виде. Исследователи не всегда могли показать реальную картину военной истории со всеми трагическими и сложными явлениями.

Следующий этап – со второй половины 1950-х гг. до конца 1964 г. характеризовался значительным расширением документальной базы исследований на основе постановления ЦК КПСС, нацеливавшего соответствующие учреждения и ученых на разработку, казалось бы, подлинной истории военного времени. Однако на деле оказалось все по-другому: под видом отхода ранее господствовавшей в исторической науке СССР схемы И.В. Сталина и реального восстановления объективной истины стала превозноситься роль самого Н.С. Хрущева во всех событиях военного времени. Причем по указанию соответствующего отдела ЦК КПСС ученые постарались во всех трудах, где было возможным, вклинить его имя⁷.

Постсоветский период также знаменовался попытками отечественных историков осветить отдельные проблемы истории войны и участия в ней казахского народа. Основными объектами внимания стали проблемы, которые ранее не затрагивались советской историографией, это т.н. «белые пятна» истории войны. В трудах ведущих отечественных специалистов М.К. Козыбаева, К.С. Алдажуманова, Т.Б. Балакаева впервые были подняты вопросы формирования и участия в боевых действиях национальных частей и соединений, история участия казахского населения в Трудовой армии, трагическая судьба казахских военнопленных, история движения Сопrotивления и Туркестанского легиона. Таким образом, со времен обретения независимости казахстанские историки проделали немалую работу. Под руководством выдающегося ученого, академика М.К. Козыбаева было осуществлено издание сводного тома «Боздақтар – Книга памяти Казахстана»⁸. Под его же научно-методическим руководством осуществлено издание «Книги Памяти» по областям Казахстана. Одновременно многие проблемы фронта и тыла нашли отражение в многочисленных работах самого ученого. В них М.К. Козыбаев ставил новые проблемы и подходы к разработке истории военного времени⁹.

Своеобразным подведением итогов эволюции историографии войны стала публикация в 2010 г. статьи К.С. Алдажуманова «История войны 1941–1945 годов и Казахстан: белые пятна и проблемы». Автор статьи – один из ведущих отечественных специалистов в области военной истории Казахстана обозначил ключевые проблемы истории войны, которые в предшествующий советский период были под запретом. Также была определена проблематика предстоящих исследований и их основные направления. Сегодня казахстанские исследователи успешно реализуют эти направления в работе над научно-исследовательскими проектами по грантовому финансированию МОН РК под руководством К.С. Алдажуманова.

Источниковая база данной проблематики достаточно широко апробирована. Вместе с тем постсоветский период характеризуется своеобразной архивной революцией, связанной с открытием и доступностью большинства ранее закрытых фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива Президента Республики Казахстан (АП РК), Центрального государственного архива Республики Казахстан. Эти документы позволяют раскрыть реальную картину морально-психологического состояния воюющего народа. Однако даже они не могут полностью удовлетворить исследовательские задачи в силу высокой степени идеологизированности. В качестве дополнительных источников служат индивидуальные воспоминания непосредственных участников, простых рядовых людей, которые были собраны в результате казахстанских научно-исторических экспедиций пост-

⁶ Балакаев Т.Б., Алдажуманов К.С. Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы истории Советского Казахстана. Алма-Ата. 1989. С. 113–114.

⁷ Алдажуманов К.С. История войны 1941–1945 годов и Казахстан: «белые пятна» и проблемы // Социогуманитарная наука Казахстана. Алматы, 2011. С. 204.

⁸ Боздақтар – Книга Памяти Казахстана: Сводный том / Белан П.С., Едыгенов Н.Е. Алматы, 1995.

⁹ Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышление и поиски. Алматы, 2000. Кн. 1-2. С. 2.

советского времени, а также публикации зарубежных источников, воспоминаний участников коллаборационистского движения, а также других граждан, оказавшихся в западной зоне оккупации.

История Великой Отечественной войны Советского союза охватывает трагический и одновременно героический период истории казахского народа XX в. Для казахстанских историков актуальным является изучение этого периода с точки зрения собственных национальных интересов. Определение роли и места прошедшей войны в истории казахского народа сопровождается поиском новых материалов и документов, а также их новой интерпретацией. К сегодняшнему дню существует определенное противоречие с прежней парадигмой истории войны, которая во многом носила парадно-победоносный характер, оставляя в стороне негативные, сложные и противоречивые стороны военных событий. Несмотря на, казалось бы, исчерпанность и многочисленность исторических источников а также основательность историографической базы, поиски и находки в этой области продолжаются. Это логичный и оправданный процесс. Переосмысление роли и места прошедшей войны в истории казахского народа требует более объективного, свободного от какого-либо идеологического давления изучения. Фактически сегодня казахстанские историки начинают заново писать реальную историю этой великой войны. При этом ставится цель – не замалчивать трагически-сложные и противоречивые аспекты проблемы, не умаляя при этом величия народного подвига.

Одной из самых сложных проблем общественной жизни советского государства на протяжении его семидесятилетней истории и до самого крушения был национальный вопрос. Острота национального вопроса возросла в условиях военно-политической катастрофы начала войны, когда за первые 18 месяцев гитлеровский вермахт нанес серьезный ущерб советскому государству и катастрофические поражения Красной Армии. Германские вооруженные силы захватили 30 % европейской территории СССР с ее огромным населением и богатой промышленной и сельскохозяйственной базой. 1 млн 998 чел. солдат и офицеров попали в плен за первые полгода войны¹⁰. Трагическое начало войны фактически привело к крушению Красной Армии, которое, по мнению ряда российских исследователей, было не только результатом внезапного нападения, тактических промахов советского руководства, но и подтверждением того факта, что в сложившейся ситуации широкое распространение получили паника, отчаяние, что в конечном счете привело к массовой сдаче в плен¹¹.

Миллионы советских солдат и офицеров оказались в плену. Исход войны теперь зависел от населения тыловых, в т.ч. восточных районов страны. В 1942 г. и до лета 1943 г. мобилизация шла только за счет восточных регионов. Формирование новых частей и соединений шло непрерывно. Из центральноазиатских республик в этот период было призвано на фронт 3 млн чел.¹² В этих условиях Верховной власти СССР во главе с И.В. Сталиным пришлось перестроить идеологическое содержание национальной политики. Это было связано с тем обстоятельством, что начиная с конца 1930-х гг. национальная политика претерпела определенные изменения. Унаследовав национальный вопрос от Российской империи, советское руководство стремилось найти его собственное решение. Поэтому методы и формы национальной политики советского государства носили двойственный характер. *«С одной стороны, национальное сознание целенаправленно пробуждалось, а в отношении ряда народов формировалось, но под идеологическим и политическим контролем власти»*¹³. Эта противоречивость советской национальной политики проявлялась также и в том, что при постановке тактических задач советское руководство легко отходило от прежних пропагандистских лозунгов. Подобная тактическая гибкость особенно наглядно проявилась

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 86а. Д. 12345. Л. 1–112.

¹¹ Мультатули П.В., Музафаров А.А. Великая Отечественная война. Победа духа и традиции. М., 2016. С. 127–128.

¹² Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков... С. 211.

¹³ Лурье С.В. «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 148.

в условиях войны 1941–1945 гг. Здесь имела место смена идеологической парадигмы. При этом необходимо отметить эффективность идеологической работы советского правительства. Пропагандистской агитацией были охвачены все граждане огромной страны. Вместо отвлеченных призывов к мировой пролетарской революции и интернациональному единству использовались другие образы. Были задействованы такие механизмы мотивации, как национальные чувства и апелляция к образам национальных защитников Отечества.

После нападения фашистской Германии на СССР война приобретает оборонительный, а значит благородный характер защиты Отечества. Но здесь возникает очень важный и интересный нюанс – происходит определенная гуманизация пропагандистских лозунгов. Как советские граждане и товарищи в одночасье стали «*братьями и сестрами*» великому вождю, так и образ Родины как общего социалистического отечества становится конкретно твоим домом, твоим народом, который надо защитить.

Еще одним исключительно правильным шагом пропагандистской работы стало обращение к исторической традиции защиты Отечества. Советское руководство не побоялось сделать поворот на сто восемьдесят градусов в идеологической работе. В одночасье на некоторое время были забыты принципы классового подхода. В качестве героев для подражания были провозглашены исторические личности классово чуждого для советской власти социального происхождения – князя, аристократы ханы и батыры. Впервые за историю уже советского Казахстана лидер местной коммунистической партии Жумабай Шаяхметов в своей речи на митинге, посвященном началу мобилизации в июне 1941 г., призвал казахских юношей обратиться к духу великих предков в лице хана Аблая и хана Кенесары. Точно такие же призывы прозвучали в другом документе – Письме казахского народа воинам фронтовикам, под которым подписались 3 млн казахстанцев. Текст письма был опубликован 23 февраля 1943 г. в газете «Правда», а также зачитан на казахском и русском языках по Всесоюзному радио¹⁴.

Подобные призывы означали частичную реабилитацию ранее запретных страниц национальной истории, правда, на очень короткий срок. Колебание идеологического курса власти чутко отслеживалось национальными элитами, которые всегда использовали любую политическую возможность для восстановления и сохранения своего культурного наследия. Примером может служить попытка создания первого варианта советской редакции «Истории Казахстана с древнейших времен до наших дней», изданной при содействии эвакуированных ученых института истории РАН во главе с академиком А.М. Панкратовой. Концепция истории казахского народа авторского коллектива основывалась на осуждении колониальной политики царизма и положительной оценки национально-освободительного движения казахского народа. Особое внимание уделялось восстанию во главе с Кенесары Касымовым (1837–1847) как самому значительному в истории национально-освободительной борьбы казахского народа.

В тот период реанимировались не только отдельные страницы казахской истории, но и формы устной поэтической традиции, героический эпос, творчество акынов и жырау, а также живая национальная традиция – казахский айтыс. Так, по инициативе Карагандинского обкома в 1942 г. началось проведение айтысов между районами. Только за 1942–1943 гг. состоялись десятки областных и республиканских айтысов, на которых выступали известные акыны – импровизаторы: Ш. Кошкарбаев, К. Айнабеков, Н. Байганин. Они совершали своеобразные туры по городам и аулам, что имело большой агитационно-пропагандистский эффект¹⁵.

Создание национальных воинских формирований находилось в том же русле изменения вектора национальной политики в экстремальных условиях первого периода войны. Огромные потери личного состава Красной Армии к осени 1941 г. требовали незамедлительных мер по скорейшей дополнительной мобилизации и ускоренной подготовке военно-

¹⁴ Все для фронта, все для Победы! Алма-Ата, 1985. С. 152.

¹⁵ Козыбаев М.К. Великая Отечественная война: истоки Победы // История и современность. Алма-Ата, 1991. С. 87.

обученных контингентов. Поиски внутренних резервов заставили Верховное командование искать новые и возрождать прежние формы военного строительства. Поэтому решением проблемы скорейшего восполнения людских ресурсов стало возвращение, как и в годы гражданской войны, к идее создания национальных воинских формирований.

Согласно решению Государственного Комитета Обороны от 13 ноября 1941 г., работа по подготовке резервов и формированию воинских частей для фронта должна была проводиться на местах под руководством местных партийных органов и командованием военных округов. Сформированные в декабре 1941 г. части были отправлены на фронт. С весны 1942 г. в действующую армию стали прибывать национальные воинские соединения и части из Закавказья, республик Средней Азии, Казахстана, Башкирии и Татарстана. Военное руководство в лице Ставки, НКО и Генерального штаба оказалось вынужденным практически с нуля создать дополнительно новую армию.

В то же время И.В. Сталин как специалист в национальном вопросе и его окружение опасались и не желали допускать чрезмерной военной самостоятельности национальных республик СССР. Национальные воинские соединения таили в себе реальную угрозу целостности многонационального государства. Этим объясняется то, что 7 марта 1938 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА» был официально оформлен и законодательно закреплен отказ от формирования национальных частей. Однако к концу 1941 г. Красная Армия остро нуждалась в скорейшем пополнении личного состава действующей армии. В этих условиях восстановление национальных частей стало эффективным и своевременным решением данной проблемы.

Оно было принято Государственным Комитетом Обороны в виде постановления за № 894 от 13 ноября 1941 г. «О формировании национальных войсковых соединений». Всего планировалось создать 20 кавалерийских дивизий и 15 отдельных стрелковых бригад, из них в Башкирской АССР – 2 кавалерийские дивизии, в Туркменской ССР – одну кавалерийскую дивизию и одну отдельную стрелковую бригаду, в Узбекской ССР – 5 кавалерийских и 9 отдельных стрелковых бригад; в Таджикской ССР – 1 кавалерийскую и 2 отдельные стрелковые бригады; в Казахской ССР – 2 отдельные стрелковые бригады и 1 кавалерийскую дивизию; в Калмыцкой АССР – одну кавалерийскую дивизию; в Киргизской ССР – 3 кавалерийские дивизии; в Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР – по одной кавалерийской дивизии¹⁶.

«Ввод в бой большинства национальных соединений пришелся на одну из наиболее тяжелых фаз Великой отечественной войны – летне-осеннюю 1942 г. наступательную кампанию немецко-фашистских войск и их союзников. В результате к началу 1943 года удельный вес представителей неславянских национальностей в действующих войсках был наиболее высоким. Если сравнить представительство различных народов СССР в армии в апреле 1943 г. с данными переписи населения 1939 г., то окажется, что удельный вес этих народов в войсках значительно превышал их удельный вес среди населения СССР накануне войны. Так, к апрелю 1943 доля армян в войсках составляла 1,77 %, в то время как среди всего населения этот показатель не превышал 1,27 %. Эти цифры для грузин составили 1,48 и 1,33 %, азербайджанцев – 1,40 (на 1 июля 1943 – 1,57) и 1,34 %, узбеков – 2,62 и 2,86 %, казахов – 2,22 (на 1 июля 1943 г. – 2,77) и 1,83 %»¹⁷.

Все вопросы формирования и комплектования национальных воинских подразделений находились в полной компетенции соответствующих республик. Это было серьезное важное правительственное задание в чрезвычайных условиях военного времени. Поэтому местные республиканские, областные, городские и районные комиссии, возглавляемые первым секретарем соответствующего партийного комитета (заместитель – председатель исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся), со всей ответственностью проводили работу по отбору личного состава, обеспечению формирующихся частей и соединений

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁷ Безугольный А. Источник дополнительной мощи Красной Армии // Национальный вопрос в военном строительстве в СССР 1922–1945. М., 2016. С. 175.

необходимым продовольствием, фуражом, обмундированием, снаряжением, транспортными средствами.

Отличительной чертой казахских национальных формирований был высокий образовательный и морально-политический уровень призывников. Если в личном составе обычных кадровых формирований Красной Армии в 1941–1942 гг. партийно-комсомольская прослойка в среднем составляла 15–20 %, то в национальных кавалерийских дивизиях и стрелковых бригадах она достигала 35–50 %, а в отдельных соединениях их было еще больше: в 106-й кав. дивизии – 50,2 %¹⁸. Национальные формирования республик Средней Азии и Казахстана состояли в среднем на 35–50 % из коммунистов и комсомольцев. Национальные кавалерийские дивизии и стрелковые бригады получили кадры, обладавшие немалым опытом организационной, политической, хозяйственной работы. Так, из 1190 руководящих работников, вступивших в казахские национальные формирования, 30 были из республиканских, 262 – из областных и 898 – из районных организаций. В их числе находились работники ЦК КП(б) Казахстана и СНК Казахской ССР, 7 секретарей обкома и 28 райкомов, более 40 заведующих отделами обкомов и райкомов КП(б) Казахстана¹⁹.

С самого начала работа по формированию национальных частей и соединений оказалась в центре внимания советской общественности. Формированию национальных частей и соединений были посвящены внеочередные пленумы обкомов, горкомов, райкомов, в первичных организациях состоялись открытые партийные собрания. Так Павлодарский обком компартии Казахстана уже осенью 1941 г. призвал провести партийные собрания, на которых *«подробно ознакомить коммунистов и комсомольцев с задачей формирования национальных соединений дать конкретные задания каждому коммунисту и комсомольцу по обеспечению этого важнейшего и почетного задания»*²⁰.

Одной из причин возвращения к практике создания национальных формирований в Казахстане в 1941 г. явилось также обострение проблемы знания русского языка со стороны «нерусского» контингента, который влился в армию в результате массовой мобилизации в национальных республиках в связи с необходимостью пополнить потерю людских ресурсов. Национальные войсковые формирования позволяли сократить сроки подготовки к боевым действиям контингента, не владевшего русским языком, поскольку в национальных формированиях боевая и политическая подготовка велась на родном языке с учетом национальных обычаев и традиций воинов-казахов²¹.

Незнание русского языка большинством призывников «нерусской» национальности, в частности казахов, способствовало нарушению внутриармейской коммуникации, приводило к изоляции, ущемлению прав, формированию комплекса неполноценности. Поскольку официальным командным языком был русский, то от понимания команд и распоряжений командиров зависела эффективность и боеспособность воинского подразделения. Были случаи невыполнения приказа вследствие непонимания содержания команды. Воины-казахи чувствовали себя «вторым сортом», поскольку недостаточно знали русский язык, не понимали русской ментальности. Положение усугублялось пренебрежительным, предвзятым отношением к воинам нерусской национальности со стороны некоторых командиров как к неполноценным, неспособным хорошо сражаться бойцам.

Подтверждением служит докладная записка начальника Управления агитации и пропаганды ГлавПУРККА Рубенштейна начальнику Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакову: *«имеются факты проявления великодержавного шовинизма, не чуткого, порой грубого отношения к бойцам и младшим командирам нерусской национальности. Это ведет к тому, что в ряде случаев <...> создается почва для чрезвычайных происшествий и аморальных явлений. Политорганы не организовали изучение*

¹⁸ Кирсанов Н.А. Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 // Отечественная история. 1995. № 3. С. 4.

¹⁹ Там же. С. 5.

²⁰ Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 5. Д. 9. Л. 63.

²¹ Козыбаев М.К. Великая Отечественная война... С. 23.

русского языка бойцами нерусской национальности. Это изучение, имеющее огромное политическое и военное значение, идет самотеком»²².

Сложность и острота вопроса о воинах нерусской национальности в Красной Армии подтверждается тем фактом, что в августе 1943 г. было организовано совещание агитаторов среди бойцов нерусских национальностей. В течение двадцати дней 192 агитатора, представлявших 24 национальности СССР, слушали лекции ведущих советских историков и генералов армии, профессоров и академиков – И.И. Минца, А.М. Панкратовой, Е.М. Ярославского. Примечательным является состав агитаторов: 50 % имели высшее образование, 30 % – среднее²³. Среди них были известные впоследствии деятели казахской культуры и науки, тогда политработники Красной Армии: А. Нусупбеков, С. Баишев, А. Закарин, К. Шарипов, Г. Абишев.

Отдельные военачальники пытались решить проблему русского языка посредством прямых связей. Так, 1 ноября 1941 г. выходит постановление ЦК КП Казахстана об удовлетворении просьбы командующего Дальневосточным фронтом генерала Т. Апанасенко «о призыве в Красную Армию и откомандировании на Дальневосточный фронт 250 коммунистов-казахов, хорошо знающих русский язык». Просьба отправить молодых казахов-коммунистов, хорошо владевших русским языком, была связана с тем, что «из Казахстана на Дальневосточный фронт мобилизовано значительное количество граждан из казахского населения, слабо знающих русский язык». Казахов-коммунистов предполагалось использовать в качестве политработников в казахской воинской среде²⁴.

Здесь хотелось бы уделить особое внимание термину «нерусские народы» – это понятие официально фигурировало во всех документах военного времени, так или иначе затрагивавших национальные вопросы. Хотя как таковой «нерусской национальности» не существовало, сам этот оборот свидетельствовал о том, что имела место своеобразная альтернатива – русские, как государствообразующий народ, другими словами – основа государства и остальные народы СССР – нерусские. По существу, это более мягкая замена прошлого имперского понятия «туземцы».

Поэтому один из главных тезисов советской историографии об интернациональном единстве народов требует корректировки, поскольку реального равенства не было. Неравенство существовало, и оно официально закрепилось в послевоенный период в таких идеологемах, как «русский народ первый среди равных» и «старший брат в братской семье народов». «Не русскость» означала незнание русского языка и русской культуры. В силу этих отличий представители других народов с трудом входили в русскоязычную армейскую общественность. Это способствовало формированию комплекса неполноценности в сознании казахского народа, который теперь должен был найти свое место в другой – русской культуре. «Второсортность» обосновывалась и другим широко пропагандируемым тезисом о вековой отсталости казахского народа, который к моменту прихода советской власти находился на грани вымирания, и только советская власть открыла путь к прогрессу и процветанию.

Тем не менее создание национальных соединений сыграло свою роль в стимулировании мотивации казахских юношей к службе в армии. Эта служба рассматривалась казахской молодежью как реальная возможность личного и социального роста. Стоит отметить, что аналогичная ситуация имела место в годы Первой мировой войны, когда в 1916 г. казахов призвали в армию, но не дали оружия и статуса полноценных солдат. Это вызвало волну возмущения и явилось одной из основных причин, приведших к восстанию 1916 г. Теперь же в ряды действующей армии призывались представители всех народов СССР независимо от социального положения и вероисповедания. Для казахского народа это было одним из первых признаков реального равноправия, показателем того, что власть считает их

²² ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос 1933–1945. М., 2009. Т. 2. С. 566.

²³ Там же. С. 758–759.

²⁴ Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП(б) Казахстана 1941–1945: сб. документов. Алматы, 2010. С. 124.

полноправными гражданами. Это, безусловно, способствовало патриотическому подъему казахского народа.

В определенной степени вступление в ряды армии было осознанным выбором рекрутов из числа казахов. В качестве примера можно привести воспоминание Мухамета Шаяхметова, который в своих мемуарах отмечал: *«в то время, когда в Европе события 1939 г. рассматривали как начало войны, в Казахстане местное население относилось к этому как к очередному конфликту»*²⁵. Когда в апреле 1941 г. пришло время призыва в армию, то этот 19-летний парень даже не думал избегать его. Он отмечал, что поколение, которому он принадлежал, было поражено сталинской идеологией. Поэтому все пригодные юноши, получив приписные удостоверения, считали службу в армии чрезвычайно привлекательной. По мнению Шаяхметова, это было связано с патриотизмом, но не только. Очень высокой была степень социального признания военнослужащих. Как свидетельствует автор, их провожали на службу и встречали как героев. Сами они возвращались возмужалыми, в униформе, а победы 1939–1940 гг. повысили статус сталинской власти. Национальные проблемы у М. Шаяхметова возникли позже, когда он все-таки попал в ряды Красной Армии в начале войны с Германией²⁶.

Также необходимо отметить традиционно высокий статус ратного труда, воинской службы для казахского менталитета. Отношение к войне базировалось на сохранении элементов кочевнического сознания, которые, хотя и во фрагментарных формах, еще сохранялись в национальном менталитете. Воинская служба всегда рассматривалась кочевниками в качестве достойного занятия при условии, что государство дает воину оружие, обмундирование и доставляет к месту боевых действий. Для молодых людей военная служба выступала в качестве реального социального лифта, предоставляла возможность быстрого общественного роста.

Еще одним фактором успешной поведенческой мотивации стало изменение религиозной политики власти. Реалии военного времени вынудили руководство партии отчасти пересмотреть свою политику в сфере религии. Руководство страны в трагические первые месяцы войны вынужденно было стать лояльным к верующим, в т.ч. и к мусульманам. Причин, из-за которых атеистическая советская власть решила повернуться лицом к религии, было несколько. Во-первых, представители всех конфессий, включая и мусульман, с первых дней войны заняли открытую патриотическую позицию. Позабыв все гонения и преследования, верующие принимали самое активное участие в военных действиях, а также в сборе материальных средств для нужд Красной Армии. Исламские священнослужители помогли советскому руководству поднять моральный дух граждан Советского Союза мусульманского вероисповедания и мобилизовать их силы на борьбу с гитлеровским агрессором.

В Докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о патриотической роли мусульманского духовенства в годы войны говорится следующее: *«19 октября в Ташкенте закончил работу съезд представителей мусульманства Средней Азии и Казахстана. Одним из вопросов съезд заслушал доклад о патриотическом подъеме в работе духовенства. По этому вопросу было принято обращение ко всем верующим мусульманам. Делегат от Казахстана Аминов Абсолям, обращаясь к делегатам, заявил: “<...> я твердо уверен, что делегаты единодушно готовы защищать свою Родину, я очень рад, что в такое напряженное время нам предоставляют возможность созывать съезд. Будем молить бога и просить Аллаха о скорейшей победе над фашизмом”*»²⁷.

Во-вторых, жесткий контроль общественного сознания, установленный сталинским режимом, а также подавление любых форм инакомыслия в условиях войны оказались малоэффективными. На фронте и в тылу имело место стихийное отправление религиозных обрядов. Многие верующие начали открыто высказывать свои религиозные взгляды, посе-

²⁵ Shayahmetov M. The Silent Steppe. The Story of a Kazakh Nomad under Stalin. New York: Stacey International, 2006. 345 p.

²⁶ Ibid.

²⁷ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос... С. 45.

щать молитвенные здания, игнорируя прежние запреты и ограничения. Обращение к традиционным духовным ценностям еще раз показало насколько тонкой и поверхностной была укорененность в общественном сознании советской атеистической идеологии.

В-третьих, необходимость корректировки религиозной политики СССР была связана с международными аспектами. Заинтересованность в открытии второго фронта требовала от советского руководства смягчения отдельных сторон жизни советского общества, чтобы выглядеть в лице мировой общественности более человечным и продемонстрировать приверженность общечеловеческим духовным ценностям. Черчилль и Рузвельт дали Сталину понять, что настроить общественное мнение их стран в пользу Советского Союза могут свидетельства о религиозной свободе в СССР. Неслучайно официальное признание властями заслуг религиозных организаций и верующих произошло накануне переговоров на высшем уровне в Тегеране.

В сентябре 1943 г. состоялась встреча И.В. Сталина с главами Русской православной церкви, в ходе которой были приняты решения, ознаменовавшие новый этап в отношениях государства и религии. На практике это выразилось в смягчении налогового законодательства в отношении зарегистрированных служителей культа, освобождении их от призыва по мобилизации, предоставлении религиозным организациям ограниченных прав юридического лица, а также в других мерах, предпринимаемых властями, по регулированию государственно-конфессиональных отношений.

В том же году к действующему Центральному духовному управлению мусульман (с центром в г. Уфе) были образованы еще три духовных управления мусульман – Северного Кавказа (Буйнакск), Закавказья (Баку) и Средней Азии и Казахстана (Ташкент). Это событие стало частью идеологической кампании, проводившейся советским руководством для воздействия на гражданские, патриотические чувства населения и для его мобилизации в военных условиях. Среди духовных управлений мусульман статус неформального лидера приобрело Среднеазиатское духовное управление, в ведении которого находилось единственное на территории СССР высшее мусульманское учебное заведение – медресе «Мир-Араб» (г. Бухара). 20 октября 1943 г. состоялся съезд мусульманских улемов Средней Азии и Казахстана, в котором приняли участие свыше 160 делегатов из всего региона.

Нельзя сбрасывать со счетов и такой ресурс власти, как политико-правовые, или, точнее, репрессивные методы, которыми пользовалась власть в чрезвычайных условиях военного положения. К ним относится серия приказов ГКО о расширении карательных полномочий командиров в отношении солдат, а также жесткие методы контроля за трудовой дисциплиной в тылу, репрессивные методы депортации целых народов, уличенных в сотрудничестве с врагом. Продолжением репрессивной политики в условиях войны стало принятие 16 июля 1941 г. постановления ГКО, подписанного И.В. Сталиным, где отмечалось: *«Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим врагом»*. Далее шел список из девяти высших командиров Западного, Северо-Западного и Южного фронтов, расстрелянных за *«трусость, бездействие власти, сдачу оружия противнику без боя»*²⁸.

Степень влияния мотивации страхом в моральной мобилизации советских граждан – достаточно новая тема в истории войны 1941–1945 гг. Интересным в этой связи является мнение российского исследователя М.А. Вылцана. Определяя основные факторы поведенческой мотивации трудовой деятельности крестьянства в годы войны, он отмечает: *«В поведенческой структуре крестьянства не последнее место занимало и ощущение страха неотвратимости наказания за неисполнение “своего гражданского долга”, приказа высших и местных властей»*²⁹.

²⁸ Мультатули П.В., Музафаров А.А. Великая Отечественная война... С. 130.

²⁹ Вылцан М.А. Приказ и проповедь: способы мобилизации ресурсов деревни в годы войны // Отечественная история. 1995. № 3. С. 74.

Это положение российского автора можно применить и к оценке мотивационных факторов казахских солдат, которые в основной своей массе были сельскими жителями. Поэтому есть основание предположить, что самоотверженный труд и воинская доблесть казахского народа не являются в полной мере следствием только патриотического подъема. Здесь, безусловно, имело место чувство страха, которое всегда является «стимулом» деятельности и поведения всего народа, следствием тоталитарного воспитания. Это своего рода гражданская реакция на сугубо насильственные, репрессивные методы государственного руководства, сопровождавшиеся идеологической пропагандой. Этому также способствовала недавняя трагедия – насильственная коллективизация, в которой казахи были в роли пассивной жертвы советской модернизации. Все это не могло не сказаться на моральном состоянии казахского народа. Трагедия коллективизации помимо прямых физических потерь, которые некоторые современные историки квалифицируют как «этноцид», нанесла огромную травму национальному сознанию. Она показала степень безжалостности новой власти. Это положение дает основание утверждать, что добровольная жертвенность казахского народа в годы войны объясняется не только умело проводимой национальной политикой, эффективностью средств агитации и пропаганды, но также давлением страха перед жестокой всемогущей властью. Мотивация страхом стала еще одним ресурсом власти в мобилизации населения.

Однако, как указывалось выше, только репрессивные способы давления не могли быть достаточно эффективными в условиях, когда люди должны были добровольно жертвовать всем, включая собственную жизнь. В такой ситуации должны были быть задействованы более мощные факторы мотивации, чем страх перед наказанием. Таким фактором стала новая «советская идентичность».

Наличие данной категории в мировоззрении советских людей подтверждается свидетельством немецкого агента калмыцкого происхождения, засланного немецким командованием в зону оккупации Калмыкии для работы с местным населением в марте 1943 г. При встречах с молодыми калмыками он *«обнаружил довольно сильный советский патриотизм, в особенности среди молодежи. Мне было трудно понять их аргументацию. Они говорили: “Мы, конечно, не коммунисты, но посмотрите – у нас есть своя республика, своя столица, свои министры, великолепный Дом Советов. Открылось множество школ”. Прошедшие десять лет наложили на население сильный отпечаток, и этого нельзя было не принимать в расчет. Пути назад в прошлое уже не было. Я увидел перед собой поднимающийся новый тип человека, способного на многое, но умеющего приспособиваться и подстраиваться под обстоятельства»*³⁰.

Это свидетельство калмыцкого агента констатирует формирование общей системы ценностей граждан большой страны, которая становится общей для всех, независимо от национальной принадлежности. Это было единство народов, которое основывалось не только на официальной государственной доктрине. Но это не та идентичность, которая провозглашалась властью и сталинским режимом. *«Идеальный проект советского человека как нового человека и дружбы народов, пропагандируемый государством, официальной идеологией, преломляясь через этническое восприятие и необходимость адаптировать эту идеологию для повседневной жизни и практики, привели к созданию собственной модели отношений и идеального образа, который не есть точное воплощение официальной политики властей, но во многом приближенная к ней собственная культурная форма»*³¹.

Это были горизонтальные человеческие связи, которые существовали параллельно официальной государственной доктрине о «дружбе народов» и «братском единстве», единство народов, объединенных общей трагической судьбой и вынужденных жить и выживать в тяжелейших условиях тоталитарного режима. Это была взаимопомощь народов, которые оказались в беде, и с которыми казахи делили общие тяготы жизни под «всевидящим оком» жестокой власти. Имеется много примеров взаимопомощи и поддержки

³⁰ Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне. М., 2018. С. 127.

³¹ Лурье С.В. «Дружба народов» в СССР... С. 8.

народов Советского Союза. Дружба народов и советская идентичность к началу войны стали реальностью, которая явилась одним из факторов патриотической мотивации казахских солдат, которые пошли защищать общую страну как советские люди. Не официальная, насаждаемая правящей властью система ценностей, а спонтанно сформировавшаяся система отношений.

В огромной стране, куда вместе с другими народами входили казахи, положение простых людей было равным – все были одинаково равны в своем бесправии и зависимости от вездесущей власти. Казахи вместе с другими народами СССР вместе выстрадали тяготы становления советского государства, более того, с далеких исторических времен они всегда были соседями, всегда жили рядом. Общность исторического прошлого породила чувство единства трудной судьбы. Это не до конца осознаваемое чувство, больше чем официальные идеологемы, сближало народы СССР. Поэтому патриотизм казахских солдат наряду с другими факторами мотивировался этим чувством. Единство советских людей было единством народов, вместе вставших на защиту общего государства, которое оказалось в трудном положении.

Казахские солдаты пошли защищать не коммунистический режим и даже не социалистическое отечество – они разделили судьбу народов, оказавшихся в одном тоталитарном государстве, и с честью выполнили свой воинский и соседский долг. Этот фактор мобилизационной мотивации проявился позже всех, и он не имел ничего общего с политикой государства. Но это была инициатива «снизу» как всенародное явление. Однако значение этого фактора в моральной мобилизации воюющего народа важнее, чем все усилия власти. Поэтому автор считает, что Победа в Отечественной войне 1941–1945 гг. была одержана советским народом не благодаря советской власти и руководству И.В. Сталина, а вопреки ему. Это была народная победа.

Литература

Алдажуманов К.С. История войны 1941–1945 годов и Казахстан: «белые пятна» и проблемы // Социогуманитарная наука Казахстана: сб. ст. Алматы: [б. и.], 2011. С. 203–217.

Балакаев Т.Б., Алдажуманов К.С. Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы истории Советского Казахстана. Алма-Ата: Гылым, 1989. 318 с.

Безугольный А. Источник дополнительной мощи Красной Армии // Национальный вопрос в военном строительстве в СССР 1922–1945. М.: РОССПЭН, 2016. 271 с.

Боздактар – Книга Памяти Казахстана: сводный том / Белан П.С., Едыгенов Н.Е. Алматы: Казахстан, 1995. 476 с.

Все для фронта, все для Победы! Алма-Ата: Казахстан, 1985. 156 с.

Вылцан М.А. Приказ и проповедь: способы мобилизации ресурсов деревни в годы войны // Отечественная история. 1995. № 3. С. 74.

Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне. М.: РОССПЭН, 2018. 488 с.

Курсанов Н.А. Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 // Отечественная история. 1995. № 3. С. 4.

Козыбаев М.К. Великая Отечественная война: истоки Победы // История и современность. Алма-Ата: Гылым, 1991. 266 с.

Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышление и поиски. Алматы: Гылым, 2000. Кн. 1-2. 417 с.

Козыбаев М.К., Белан П.С. Казахстанская историография Великой Победы: аналитический обзор. Алма-Ата: Гылым, 1991. 30 с.

Лурье С.В. «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 145–153.

Мультиатули П.В., Музафаров А.А. Великая Отечественная война. Победа духа и традиции. М.: РИСИ, 2016. 180 с.

Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП(б) Казахстана 1941–1945: сб. документов. Алматы: Архив Президента Респ. Казахстан, 2010. 603 с.

Тишков В.А. Стратегия и механизмы национальной политики в Российской Федерации // Этнографическое Обозрение. 1993. № 5. С. 12–34.

ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 2. 1094 с.

Shayahmetov M. The Silent Steppe. The Story of a Kazakh Nomad under Stalin. New York: Stacey International, 2006. 345 p.

References

Aldazhumanov, K.S. (2011). Istoriya voyny 1941–1945 godov i Kazakhstan: “belye pjatna” i problemi [History of the war of 1941–1945 and Kazakhstan: “white spots” and problems]. In *Sotsiologumanitarnaya nauka Kazakhstana*. Almaty, [s. l.], pp. 203–217.

Balakaev, T.B., Aldazhumanov, K.S. (1989). *Istoriografiya Kazakhstana perioda Velikoy Otechestvennoy voyny* [Historiography of Kazakhstan during the Great Patriotic War]. In *Aktualnye problemy istorii Sovetskogo Kazakhstana*. Alma-Ata, Gylym. 318 p.

Belan, P.S., Edygenov, N.E. (Eds.). (1995). *Bozdaqtar – Kniga Pamyati Kazakhstana. Svodniy tom* [Bosdaktar – The Book of Memory of Kazakhstan. Summary volume]. Almaty, Kazakhstan. 476 p.

Bezugolny, A. (2016). *Istochnik dopolnitelnoy moshchi Krasnoy Armii* [Source of additional power of the Red Army]. In *Natsionalny vopros v voennom stroitelstve v SSSR*. Moscow, ROSSPEN. 271 p.

(2009). *TsK RKP(b) – VKP(b) i natsionalny vopros 1933–1945* [Central Committee of the RCP(b) – CPSU(b) and the national question 1933–1945]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. 1094 p.

(2018). *Garvardskiy proekt: rasekrechennyye svidetelstva o Velikoy Otechestvennoy voyne*. [The Harvard project: declassified evidence of the Great Patriotic War.] Moscow, ROSSPEN. 488 p.

Kirsanov, N.A. (1995). *Natsionalnye formirovaniya Krasnoy Armii v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945* [National units of the red Army in the Great Patriotic War 1941–1945]. In *Otechestvennaya istoriya*, No. 3, p. 4.

Kozybaev, M.K. (1991). *Velikaya Otechestvennaya voyna: istoki Pobedy* [The Great Patriotic War: the origins of Victory]. In *Istoriya i sovremennost*. Alma-Ata, Gylym. 266 p.

Kozybaev, M.K. (2000). *Kazakhstan na rubezhe vekov: razmyshlenie i poiski* [Kazakhstan at the turn of the century: reflection and search]. Alma-Ata, Gylym. Vol. 1-2. 417 p.

Kozybayev, M.K., Belan, P.S. (1991). *Kazakhstanskaya istoriografiya Velikoy Pobedy: analiticheskiy obzor* [Kazakh historiography of the great Victory: analytical review]. Alma-Ata, Gylym. 30 p.

Lure, S.V. (2011). “Druzhba narodov” v SSSR: natsionalnyy proekt ili primer spontannoy mezhethnicheskoy samoorganizatsii [“Friendship of peoples” in the USSR: a national project or example of spontaneous interethnic self-organization]. In *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. No. 4, pp. 145–153.

Multatuli, P.V., Muzafarov, A.A. (2016). *Velikaya Otechestvennaya voyna. Pobeda dukha i traditsii* [Great Patriotic War. Victory of the spirit and tradition]. Moscow, RISI. 180 p.

(2010). *Rasekrechennaya voyna: “osobyie papki” TsK KP(b) Kazakhstana 1941–1945. (Sb. dokumentov)* [Declassified war: “special folders” of the Central Committee of KP(b) Kazakhstan 1941–1945. Collection of documents]. Almaty, Arkhiv Prezidenta Resp. Kazakhstan. 603 p.

Shayahmetov, M. (2006). *The Silent Steppe. The Story of a Kazakh Nomad under Stalin*. New York, Stacey International. 345 p.

Tishkov, V.A. (1993). *Strategiya i mekhanizmy natsionalnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii* [Strategy and mechanisms of national policy in the Russian Federation]. In *Etnograficheskoe Obozrenie*. No. 5, pp. 12–34.

(1985). *Vse dlya fronta, vse dlya Pobedy!* [Everything for the front, everything for Victory!]. Alma-Ata, Kazakhstan. 156 p.

Vylcan, M.A. (1995). *Prikaz i propoved: sposoby mobilizatsii resursov derevni v gody voyny* [The order and the homily: ways of mobilizing village resources during the war]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 3, p. 74.

Статья поступила в редакцию 20.05.2020 г.